

УДК 930(47):930.23

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.208-222

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1917 г.:
ОТ КОНФЛИКТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛОЗУНГОВ
К СПОРАМ В ИСТОРИОГРАФИИ И КОНФЛИКТУ
ИСТОЧНИКОВ**

Т.М. Бон¹, С.Ю. Малышева², А.А. Сальникова²

¹*Гисенский университет им. Юстуса Либиха, г. Гисен, 35390, Германия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

Проблема мира и войны, а также внешней политики в целом стала одним из главных вопросов, предопределивших развитие ситуации в России и судьбу власти в 1917 г. Противостояние по вопросам внешней политики внутри Временного правительства и несогласие между ним и Петросоветом перешло впоследствии из реальности в историографическую плоскость. В статье определены основные этапы изучения указанной проблемы в отечественной историографии, показана специфика каждого из этих этапов. Особое внимание уделено периоду 60–80-х годов XX в. как времени острых дискуссий, в ходе которых был преодолен ряд одиозных историографических штампов (об «империалистическом», «антинародном» характере внешней политики Временного правительства, зависимости ее от англо-французского капитала и пр.), показана гибкость и самостоятельность внешней политики Временного правительства, направленность ее на отстаивание интересов России. Показано влияние историографических дискуссий на развитие и модернизацию советской историографии, на создание предпосылок для качественно новых исследовательских подходов, обозначившихся на современном этапе. Подробно рассмотрена одна из наиболее актуальных проблем изучения истории внешней политики России в 1917 г. – проблема «конфликта» информации, заключенной в источниках разных видов и разного происхождения. Прослежена специфика формирования источниковой базы проблемы, выявлены причины пробелов в ней и показаны способы их преодоления.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Временное правительство, внешняя политика, историография, историографические дискуссии, исторические источники, конфликтная источниковая информация

Проблема мира и войны, поиск способов завершения или продолжения участия России в Первой мировой войне стал после Февральской революции 1917 г. одним из главных вопросов, предопределивших развитие ситуации в стране и судьбу власти. Эти проблемы пришлось решать Временному правительству, и внешнеполитические вопросы оказались значимым фактором кризисов правительственного кабинета и смены его составов. Противостояние по вопросам внешней политики стало важной точкой конфликта внутри Временного правительства,

а также между ним и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, второй властной институцией в рамках «двоевластия». Конфликт разных сценариев завершения войны и разных внешнеполитических программ, выразившихся в борьбе лозунгов «Война до победного конца» и «Мир без аннексий и контрибуций», закончилось свержением Временного правительства, взятием власти большевиками и заключением тяжелейшего для страны Брестского мира, что дезавуировало оба лозунга внешней политики 1917 г. Однако политически заостренные дискуссии советской историографии вновь вернули к жизни проблему характеристики внешнеполитического курса России 1917 г. как значимую для обоснования предпосылок Октябрьской революции и взятия власти большевиками.

В процессе становления и развития отечественной историографии внешней политики России в 1917 г. можно выделить несколько этапов. На первом этапе (20-е годы XX в.) происходила сначала выработка, а затем селекция, унификация и закрепление в узких рамках «программной оболочки» сталинского «Краткого курса» единой крайне политизированной версии внешней политики Временного правительства как «антинародной» и зависимой от «мирового капитала», при постепенном скатывании в популяризаторство (30-е – середина 50-х годов). Параллельно в связи с усиливающимися «государственническими» тенденциями и подходами в официальной идеологии и историографии с конца 40-х годов происходит некоторое оживление интереса к истории Временного правительства и пересмотр определенных тезисов 1920-х гг., подготовивший почву для качественного скачка в его изучении в период историографической «оттепели» второй половины 50-х – середины 60-х годов. Правда, наибольшие подвижки в изучении внешней политики Временного правительства произошли несколько позднее – лишь в 60–80-е годы. Они были отмечены острыми дискуссиями, в ходе которых был преодолен ряд одиозных историографических штампов. И пусть этот период споров и альтернативных подходов был недолгим и вскоре сменился возвратом ко многим «краткокурсным» оценкам, именно тогда были достигнуты наибольшие успехи в изучении рассматриваемой проблематики в советской историографии и созданы предпосылки для качественно новых подходов, обозначившихся на современном этапе. Именно поэтому в данной статье мы сочли необходимым подробно остановиться на ходе и результатах этих дискуссий.

С другой стороны, совершенно очевидно, что любые повороты в историографии невозможны без расширения источникового поля исследований и модернизации источниковедческих подходов. Специфика источников по истории внешней политики Временного правительства обусловлена, помимо прочего, и наличием противоречий между текстами и даже внутри самих текстов, что являлось естественным отражением всей сложности и противоречивости тогдашней политической ситуации. И потому вопросы источниковедческого анализа и компаративного подхода к источнику также явились предметом нашего исследовательского интереса.

Внешняя политика Временного правительства в спорах советских историков

Конфликтный ресурс вопроса о войне и мире не был выработан даже после Октябрьской революции: пришедшие к власти большевики стремились обличить

вчерашних оппонентов, доказать «реакционность» их внешней политики. Спор из реальности перешел в историографическую плоскость. Причем в первые советские десятилетия уделялось много внимания публикации документов Временного правительства, подчеркивавших зависимость его от стран Антанты и желание продолжить войну, а также мемуаров иностранных послов, показывавших слабость Временного правительства в вопросах внешней политики (см. [1, с. 9–46]).

Авторы исследований первых советских десятилетий были достаточно единодушны в своих взглядах: все они настаивали на идее преемственной связи внешней политики Временного правительства всех составов и царской дипломатии, на ее неизменно империалистическом характере, на зависимости от «англо-французского капитала», особенно от английского, превратившейся в годы мировой войны в «иго» (см. [2–4] и др.)

Со второй половины 50-х годов XX в. расширение источниковой базы и проблематики исследований, открытие доступа к новым архивным документам, появление – хотя и с ограничениями – возможности ставить дискуссионные проблемы создали предпосылки для пересмотра тезиса о полуколониальном, зависимом характере внешней политики Временного правительства. Так, хотя дискуссия 1956–1957 гг. в журнале «Вопросы истории» о «полуколониальном» положении России и была свернута постановлением ЦК КПСС от 9 марта 1956 г., она значительно поколебала этот тезис (см. [1, с. 122–163]).

Введение в научный оборот больших массивов источников, знакомство советских историков с зарубежными работами (пусть и в форме критических обзоров зарубежных исследований) значительно расширили тематику исследований внешней политики России в 1917 г.: историков привлекли взаимоотношения Временного правительства с США, что было вполне ожидаемо (см. [5, 6]), в первый раз на страницах монографии были изучены взаимоотношения с Францией (см. [7]).

В 60–80-е годы в советской историографии появились важные монографические исследования, в которых впервые на большом документальном материале с привлечением архивных документов была комплексно проанализирована внешнеполитическая деятельность Временного правительства (см. подробнее [8, с. 91–111]). Так, Р.Ш. Ганелин переосмыслил взгляды советской историографии на взаимоотношения Временного правительства и правительства США (см. [9]), в монографиях были исследованы взаимоотношения Временного правительства с правительствами стран Антанты – Великобритании и Италии (см. [10, 11]). В споры и дискуссии вылилось в 60–70-е годы исследование характера внешней политики Временного правительства, причем на ход и результаты этих споров оказало огромное влияние так называемое «новое направление» в советской исторической науке, возникшее в период оттепели и ориентированное на пересмотр незыблемой унифицированной концепции революции 1917 г.

Эти споры особенно горячо развернулись на страницах двух монографий с одинаковым названием – «Внешняя политика Временного правительства» – опубликованных соответственно В.С. Васюковым (1966) [12] и А.В. Игнатьевым (1974) [13], а также в ряде других исследований этих авторов.

Авторы обеих работ, говоря о нерешенных и актуальных задачах в исследовании темы, ставили прежде всего вопрос о характере зависимости России

от союзников в 1917 г. и о влиянии этой зависимости на внешнюю политику Временного правительства. Речь шла о преодолении известного и устоявшегося тезиса М.Н. Покровского о «рабской зависимости» российского империализма от Англии и Франции накануне Первой мировой войны, об «иге» Антанты в военный период и о статусе России как «полукolonии» западного империализма. В качестве актуального вопроса выделялись также взаимоотношения Временного правительства с правительствами других стран, помимо Англии, Франции и США. Кроме того, В.С. Васюков считал обязательным более подробно осветить «постмилюковский» период внешнеполитической деятельности Временного правительства, учитывая, что ранее основное внимание было сосредоточено на «милюковском» периоде. А.В. Игнатъев указывал на необходимость изучения истории борьбы классов и партий России по поводу вопросов внешней политики, подчеркивал обязательность изучения «дипломатии соглашателей» как проявления двоевластия, а также писал о необходимости анализа отношения царского и Временного правительств к сепаратному миру. Как недостаточно изученный и требующий дополнительного рассмотрения им был обозначен и вопрос о преемственности внешней политики самодержавия и Временного правительства (см. [12, с. 4–5; 13, с. 6–7]).

Позиция В.С. Васюкова именно по последнему вопросу вызвала жесткие возражения А.В. Игнатъева. По его вполне справедливому мнению, монография В.С. Васюкова страдала излишним упрощением в трактовке внешнеполитической программы Временного правительства (во всяком случае, его первого состава), слишком прямолинейно отождествляла ее с программой самодержавия, сводя их различия лишь к искусной маскировке старых целей (см. [14, с. 4–5, 8]). Определяя и характеризуя основные этапы изменения внешней политики Временного правительства, А.В. Игнатъев замечал, что это упрощение во многом было связано с некритическим отношением к большевистским документам 1917 г. Он подчеркивал, что внешняя политика Временного правительства сохраняла империалистический характер, из чего естественным образом вытекала и значительная преемственность ее целей, однако в то же время на нее оказывала огромное влияние необходимость идти на соглашение с мелкобуржуазными партиями Совета. В частности, изменения во внешней политике выразились в том, что Временное правительство покончило с колебаниями царизма в вопросе о сепаратном мире, придерживаясь курса на продолжение войны (что не исключало, конечно, тайного зондажа мирных условий противника), или в том, что при Временном правительстве несколько усилился английский крен внешней политики России (при сохранявшемся значении франко-русского союза) (см. [13, с. 115, 120–121]). Этот английский крен А.В. Игнатъев подробно рассмотрел в своей монографии о русско-английских отношениях в 1917 г. [10].

Оба автора соглашались с тем, что борьба между группами Милюкова – Гучкова и Терещенко – Некрасова – Керенского во Временном правительстве касалась не существа внешней политики, а лишь методов ее проведения, а негибкая политика Милюкова стала причиной неудачи его внешней политики (см. [12, с. 90, 131; 13, с. 122, 171]). Однако в оценке внешней политики первой коалиции (5 (18) мая – 24 июля (6 августа) 1917 г.) и ее программы они кардинально разошлись во мнениях. В.С. Васюков заявлял о продолжении коалиционным

правительством курса однородного «буржуазно-помещичьего правительства» с более тщательной маскировкой своих целей (см. [12, с. 137–138, 147, 247]). А А.В. Игнатъев полагал, что внешняя политика коалиционного правительства, стремившегося оттянуть решение внешнеполитических задач до наступления на фронте и упрочения своих позиций, хотя и была демагогической по форме и выжидательной по существу, на деле являлась более реалистичной и гибкой, предполагая определенное сокращение российских притязаний. У Терещенко, считал А.В. Игнатъев, не было цельной программы, она складывалась постепенно, в результате приложения нового подхода к конкретным вопросам. Так, с одной стороны, он выдвигал на первый план отрицательную часть «русской формулы» (мир «без аннексий и контрибуций»), ставя задачу восстановления прежней границы России с Германией, а с другой, прилагал положительную часть «русской формулы» («самоопределение народов») в отношении Австро-Венгрии, говоря о возможности присоединения Галиции и создания южнославянской федерации вокруг Сербии. Константинополь должен был стать вольным портом с некоторыми преимущественными правами России. Еще одной особенностью внешней политики первой коалиции, по мнению А.В. Игнатъева, была попытка использовать внешнеполитическую активность Петроградского Совета и ЦИК Советов в целях дипломатической разведки. Он особо выделял во внешней политике коалиции период от начала июньского наступления до его провала, когда несколько оживились империалистические вождения российской буржуазии (см. [13, с. 213–218, 220, 297]).

Касаясь особенностей внешней политики так называемой «керенщины», прежде всего в период с июля по август 1917 г., А.В. Игнатъев отмечал, что это один из самых сложных этапов для оценки внешнеполитической деятельности Временного правительства. При кажущейся неизменности курса и сохранении выжидательности в дипломатии правительства намечаются сдвиги вправо, вызванные изменениями в ситуации и расстановке партийных и классовых сил, еще большим падением престижа страны, увеличением роли реакционной военщины. Уменьшение активности и влияния России побуждало Временное правительство искать пути сближения с США (см. [13, с. 308, 314, 432]).

В.С. Васюков явно переоценивал степень этого сближения лета 1917 г. Он утверждал, что Временное правительство распахнуло двери американскому капиталу и его политика «как нельзя более соответствовала экспансионистским устремлениям монополистических кругов США» [12, с. 210, 237; 15, с. 128]. А.В. Игнатъев же считал, что Временное правительство, проведя зондаж, усомнилось в целесообразности сближения с США, эти отношения носили скорее черты «общего флирта». Кроме того, он не соглашался с тезисом Васюкова о том, что Временное правительство не ставило задач ограждения хозяйственной и экономической самостоятельности России (см. [13, с. 339–340, 407–408]).

В.С. Васюков несколько упрощал и позицию союзников в «корниловские дни», утверждая, что в ходе подготовки Корниловщины они охладели к Керенскому и Временному правительству и обратили взоры на Корнилова как на «сильного человека», а срыв корниловского заговора побудил их пытаться принудить Временное правительство к выполнению во всем объеме «корниловской программы» (демарш союзников 26 сентября 1917 г.). Характеризуя внешнюю

политику Директории и третьего коалиционного правительства (25 сентября (8 октября) – 25 октября (7 ноября) 1917 г.), В.С. Васюков не усматривал в ней каких-либо изменений, кроме некоторого «поправения» (см. [12, с. 330, 333, 363, 345, 349]). А.В. Игнатъев же, не отрицая этого «поправения» в сентябре – октябре 1917 г. и отказ Временного правительства от заигрывания с соглашателями, заострял внимание на борьбе двух программ реорганизации армии и связанных с ними предложениях военного министра А. Верховского (предложение Антантой мира Германии на заведомо неприемлемых условиях ради гальванизации воинственных настроений русской армии и предложение настоящих переговоров о мире во имя спасения страны от большевизма), которые были отвергнуты правительством. 12 октября 1917 г. М.И. Терещенко в докладе на закрытом заседании комиссии по иностранным делам Предпарламента предложил «программу-минимум», дальше которой Россия не должна была отступать при заключении мира. Программа предусматривала сохранение доступа к Балтике и предотвращение создания здесь автономных буферных государств, тяготеющих к Германии, обеспечение свободы сношений с южными морями, обеспечение экономической независимости России (см. [13, с. 383–385, 387–389, 391]).

А.В. Игнатъев, подобно всем советским историкам, подчеркивал социальную и классовую обусловленность внешней политики Временного правительства, ее зависимость от сложного комплекса внутренних и международных факторов. В качестве причин поворотов этой политики в советской историографии обычно рассматривалась реорганизация кабинета под влиянием расслоения масс, а также классовых и партийных сил. Вот почему периодизация внешней политики Временного правительства в основном совпадала с обновлениями его состава (см. [13, с. 432]). Как и другие советские авторы, Игнатъев заявлял, что в результате проведения внешней политики Временного правительства Россия была поставлена на грань национальной катастрофы.

В итоге, в чем же заключалась значимость приведенных работ и этой дискуссии? Исследования В.С. Васюкова и А.В. Игнатъева (последнего в особенности) произвели значительные подвижки в представлениях о внешнеполитической деятельности Временного правительства. Впервые на обширном архивном материале, со ссылками на зарубежные публикации утверждалось положение о значительной самостоятельности и независимости действий Временного правительства на международной арене, был показан процесс переоценки им союзников и внешнеполитической ориентации внутри лагеря Антанты, развернута картина сложных дипломатических взаимоотношений Временного правительства с правительствами стран многих регионов мира. Принципиально новым для советской историографии был показ успехов и достижений дипломатии Временного правительства. Указанные исследования максимально – насколько это было вообще возможно в тех условиях – дезавуировали тезисы предшествовавшего периода. Они разрушили историографическую догму и продемонстрировали, как это можно сделать. Для советской историографии это был настоящий прорыв.

Удивительно, но позднее, в ранний постсоветский период у упомянутых авторов произошел своеобразный откат назад и отказ от некоторых ранее выдвинутых принципиально новых положений, проявившийся и в виде критики работ

коллег, и в их собственных трудах. Так, В.С. Васюков в 1994 г. оспорил утверждения А.В. Игнатьева о существенных переменах во внешней политике Временного правительства по сравнению с царской. Он утверждал, что новые штрихи не меняли внутреннего содержания внешней политики России, сердцевинной которой оставалась война, а заявления о пересмотре целей войны было сделано лишь под давлением масс. В.С. Васюков заявил о недоказанности положения об усилении «английского крена» во внешней политике Временного правительства, высказанного в трудах А.В. Игнатьева, и доказывал, что внешнеполитическая ориентация Временного правительства оставалась прежней – на Англию и Францию при приоритете франко-русского союза (см. [16, с. 18, 27–32]).

Показательно, что в 90-е годы XX в. и сам А.В. Игнатьев фактически отказался от некоторых своих прежних выводов. Во всяком случае, в пятом томе академического пятитомника «История внешней политики России» (1997), в специальной главе, посвященной внешней политике России предоктябрьского периода, он особо подчеркивал ее консервативность и преемственную связь с политикой прежнего режима, указывал на сохранение тесных связей с Антантой при первенстве союза с Францией и общей генеральной линии на продолжение войны в целом, на неприкосновенность и неизменность аппарата министерства иностранных дел. Хотя А.В. Игнатьев в этой же главе характеризовал советскую историографию внешней политики Временного правительства как страдавшую «односторонностью и предвзятым подходом», именно эта глава во многом и воспроизводила знакомые тезисы советской историографии (см. [17, с. 544–605]).

Таким образом, спор о сущности и чертах внешней политики Временного правительства разрешился в пользу «компромиссной» версии, отказывавшейся как от наиболее одиозных положений предшествовавшей историографии, так и от предложенных ранее новых взглядов на характер этой политики и ее ориентацию. Исход и «кристаллизация» результатов спора в 80–90-е годы во многом явились результатами фактического разгрома «нового» направления в советской историографии, тяготевшего к преодолению одиозных положений сталинской концепции отечественной истории [18].

В связи с новыми тенденциями, наблюдавшимися в постсоветской историографии революции 1917 г., в частности, вследствие переориентации исследовательских интересов с политической на социокультурную историю России, на протяжении долгого времени новых специальных исследований по истории внешней политики Временного правительства не появлялось. В 90-е – начале 2000-х годов эти вопросы находили лишь косвенное отражение, в частности, в исследованиях, посвященных внешнеполитической доктрине кадетов, в которых подчеркивалась наибольшая разработанность ее по сравнению с доктринами других партий (см. [19, 20] и др.). В последние годы среди работ, специально посвященных истории революции 1917 г., появилось исследование, рассматривающее способы решения вопросов войны и мира и споры о внешнеполитическом курсе страны в 1917 г. в свете теории элит – с точки зрения конфликта интересов внутри контрэлиты, от социалистов до кадетов [21]. Появляются работы, затрагивающие ранее не изученные направления внешней политики Временного правительства, например, связанные с решением так называемого «палестинского вопроса» или «финской проблемы» [22, 23]. В целом же большин-

ство специалистов сегодня склонны вписывать проблемы внешней политики Временного правительства в более широкий контекст как внутривосточной борьбы в России, так и военной и дипломатической истории Европы первой четверти XX в.

Конфликты реальности в конфликте текстов: источники по истории внешней политики России в 1917 г. и особенности их изучения

Одним из актуальных вопросов изучения внешней политики Временного правительства является вопрос об источниковой базе данной проблематики. Как и источниковая база любой другой проблемы, она может быть рассмотрена и за счет характеристики процессов реального наполнения источникового поля и изменения его границ, и за счет исследования специфики герменевтического прочтения и интерпретационного анализа составляющих ее документов.

Выше уже отмечалось, что процесс формирования источниковой базы исследуемой проблемы шел по нарастающей, причем, что вполне естественно, первоначально в значительной мере за счет эдиционных практик. Уже первые послеоктябрьские годы ознаменовались публикацией свежих секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел (так называемые «маркинские» сборники – по имени «революционного» матроса Н.Г. Маркина, руководившего их изданием – и сборники под редакцией Е.А. Адамова), более трети которых составляли документы периода Временного правительства (Сб., Евр., Разд., Конст.). Документы внешнеполитического характера представлялись советским идеологам наиболее благоприятной почвой для разоблачения «антинародной» его сущности. Но даже с учетом этого они отнюдь не преобладали количественно: например, из 34 посвященных Временному правительству документальных публикаций журнала «Красный архив» за 1922–1941 гг. лишь три, по нашим подсчетам, были связаны с его внешней политикой [1, с. 31–32].

В последующие полтора десятилетия ситуация лишь ухудшается, и только в 1957–1967 гг. – в условиях «археографического ренессанса» периода оттепели и на ее исходе – появляется крупнейшее и важнейшее за весь советский период 10-томное издание документов по истории 1917 г. (большинство томов имело отдельную пагинацию), включавшее и некоторые документы, связанные с внешнеполитической деятельностью Временного правительства, в особенности с финансово-экономическими отношениями с США, Англией и Францией (Экон., Рев.1, Рев.2 и др.). Однако советской историографии так и не удалось достичь уровня, пожалуй, самой лучшей по сей день зарубежной публикации документов Временного правительства – 1875-страничного трехтомника под редакцией Р. Браудера и А. Керенского, изданного Гуверовским институтом войны, революции и мира в 1961 г. и состоящего из 1400 циркуляров, законов, заявлений, обращений, протоколов заседаний Временного правительства, взятых из его «Собрания узаконений и распоряжений» и «Вестника», а также статей из российских газет 1917 г. (Brow.).

Во второй половине 60-х – 70-е годы расширение источниковой базы исследований внешней политики Временного правительства в 1917 г. происходит преимущественно уже не за счет документальных публикаций, а за счет введения в научный оборот новых источников в конкретных исторических исследованиях.

Однако, к сожалению, авторы их обычно были ориентированы лишь на прямую информационную отдачу документов, не подвергая их необходимым процедурам источниковедческого анализа и синтеза.

Даже если ограничиться проблемой информационной отдачи документов, неизбежно возникает ряд вопросов теоретико-методологического характера. Каким образом, за счет чего, а главное, для чего происходило расширение границ источникового поля исследований? Каково было соотношение источников различной типологической принадлежности, какие группы источников были приоритетны и почему? Как исторический контекст влиял на изменения не только содержания, но и происхождения источников (в широком смысле этого слова, то есть авторства, формуляра, места создания, текстологических особенностей документов), на степень их репрезентативности и достоверности? И, наконец, насколько информационно противоречивыми или непротиворечивыми (как событийно, так и оценочно) оказывались использованные документы? Для того чтобы ответить на последний вопрос, следует прибегнуть к методам сравнения, которое может быть осуществлено, в частности, в следующих направлениях.

1. Сравнение официальных документов одного вида, но разного происхождения (в частности, исходящих от Временного правительства и от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов). Здесь о непротиворечивости текстов говорить сложно. После Февральской революции 1917 г. значимым пунктом противоречий между Временным правительством и Петросоветом стало различие взглядов на роль войны как предпосылки революции. В правительстве обосновывали падение царского режима его неспособностью привести страну к победе, а представители Совета видели в массовых беспорядках выражение усталости населения от войны. Основные позиции были обозначены правительством в его манифесте народу от 7 (20) марта, а Советом – в воззвании «К народам мира» от 14 (27) марта 1917 г. (см. [3, с. 154–155, 182–183]). Эти противоречия позже выразились в двух лозунгах – «Война до победного конца» и «Мир без аннексий и контрибуций».

Однако в отдельных случаях о непротиворечивости источников разного происхождения говорить все же возможно, в частности, когда речь идет о неких «согласованных» документах (например, о совместном сообщении Временного правительства и Исполнительного комитета Совета от 22 апреля (5 мая) 1917 г., переданном послам союзных держав и разъясняющее ноту Миллюкова от 18 апреля (1 мая) 1917 г. о задачах войны).

2. Сравнение официальных документов одного происхождения, но разного авторства. Предполагалось, что официальные документы одного происхождения должны быть непротиворечивыми. В коллективных делопроизводственных документах этого можно было достичь прямыми ограничениями на изложение разных мнений. Так, в журнале заседания Временного правительства от 8 марта 1917 г. прямо говорилось о том, что «в журналах излагается сущность дела и постановления по нему; воля Временного правительства должна быть единой, и ответственность оно несет коллективную, а потому ни мнения меньшинства, ни отдельные мнения не вносятся в журнал и не остаются в деле» (Арх., с. 52). В источниках индивидуального авторства такого «единодушия» было достичь гораздо труднее. Так, в послании всем иностранным представителям России от 4 (17) марта 1917 г.,

а также в интервью газете «Речь» от 23 марта (5 апреля) П.Н. Миллюков подтвердил неизменность позиции Временного правительства в соблюдении союзнического долга и продолжения войны, назвав, в частности, в качестве военных целей России контроль над Константинополем и морскими проливами. Тем самым он дезавуировал высказывание министра юстиции А.Ф. Керенского перед представителями английской прессы о нейтрализации морских проливов. За эту претензию на единоличное представление позиции по внешней политике Миллюков в тот же день был подвергнут жесткой критике во время официального заседания правительства. Конфликт уладил председатель Совета министров князь Г.Е. Львов, который запретил на будущее давать частные интервью по вопросам внешней политики [24, с. 432–435].

3. Выявление противоречий внутри одного источника. Так, 27 марта (9 апреля) 1917 г. Временное правительство наконец представило проект внешнеполитической декларации, которая адресовалась российскому народу и должна была примирить все политические партии, Временное правительство и Петроградский совет. Три недели спустя она была включена в ноту Миллюкова. Но эта декларация была амбивалентной уже в ключевом послыле. С одной стороны, она провозглашала целью «не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». С другой, гарантировала «полное соблюдение обязательств» по отношению к союзникам (то есть признание тайных договоров с ними) [24, с. 434–435; 25]. При этом все партии интерпретировали декларацию как победу, но в соответствии со своими интересами. Однако затем как Временное правительство, так и Совет раскололись на отдельные группы, дистанцировавшиеся от политики министра иностранных дел. Стало очевидно, что практическая ценность документа в силу его противоречивости весьма ограничена.

Очевидно, что в условиях революционной ситуации 1917 г., когда острая политическая борьба заставляла, а достаточная свобода слова позволяла власти (или властям в период двоевластия) и оппозиции вести ожесточенную полемику, количество конфликтных текстов, способствовавших эскалации социально-политического конфликта и размежеванию общества или отмежеванию его части, многократно возрастало (см. подробнее [26]). Конфликтные лозунги внешней политики России в 1917 г., представленные в источниках, еще раз подтверждали этот неоспоримый факт.

Источники

- Сб. – Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. – Пг.: б.и., 1917–1918. – № 7. – С. 273–320.
- Евр. – Европейские державы и Греция в эпоху мировых войн. – М.: б.и., 1922. – 90, 240 с.
- Разд. – Раздел Азиатской Турции: по секретным документам б. Министерства иностранных дел. – М.: Литиздат НКВД, 1924. – 383 с.
- Конст. – Константинополь и проливы: по секретным документам б. Министерства иностранных дел: в 2 т. – Л.: Литиздат НКВД, 1925–1926.

- Экон. – Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март – октябрь 1917 г.: Документы и материалы: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957–1967.
- Рев.1 – Революционное движение в России после свержения самодержавия. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 857 с.
- Рев.2 – Революционное движение в России в апреле 1917 г.: Апрельский кризис. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 935 с.
- Brow. – *Browder R., Kerensky A. (eds.) The Russian Provisional Government 1917. Documents: 3 vol.* – Stanford: Stanford Univ. Press, 1961.
- Арх. – Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4 т. – М.: РОССПЭН, 2001. – Т. 1: Март – прель 1917 г. – 448 с.

Литература

1. *Мальшева С.Ю.* Российское Временное правительство 1917 года. Отечественная историография 20-х – середины 60-х годов. – Казань: Хэтер, 1999. – 168 с.
2. *Рубинштейн Н.* Внешняя политика керенщины // Очерки по истории Октябрьской революции: работы исторического семинария института Красной профессуры / Под общ. ред. М.Н. Покровского. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – Т. 2. – С. 347–452.
3. *Покровский М.Н.* Империалистическая война. – М.: Соцэкгиз, 1934. – 448 с.
4. *Рубинштейн Н.* Внешняя политика Временного правительства. – М.: Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1946. – 63 с.
5. *Селезнев Г.К.* Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. – М.: Воениздат, 1957. – 205 с.
6. *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения (1900–1917 гг.). – М.: Междунар. отношения, 1964. – 379 с.
7. *Иоффе А.Е.* Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль – октябрь). – М.: Госполитиздат, 1958. – 356 с.
8. *Мальшева С.Ю.* Временное правительство России. Современная отечественная историография. – Казань: Хэтер, 2000. – 208 с.
9. *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений. – Л.: Наука, 1969. – 423 с.
10. *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль – октябрь 1917). – М.: Наука, 1966. – 400 с.
11. *Кирова К.Э.* Русская революция и Италия: март – октябрь 1917. – М.: Наука, 1968. – 322 с.
12. *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. – М.: Мысль, 1966. – 497 с.
13. *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. – М.: Наука, 1974. – 440 с.
14. *Игнатьев А.В.* Банкротство внешней политики Временного правительства // Вопр. истории. – 1967. – № 3. – С. 3–16.
15. *Васюков В.С.* Предыстория интервенции. Февраль 1917 – март 1918. – М.: Политиздат, 1968. – 296 с.
16. *Васюков В.С.* К историографии внешней политики России в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М.: Наука, 1994. – С. 13–22.

17. История внешней политики России (конец XV в. – 1917 г.): в 5 т. – М.: Междунар. отношения, 1997. – Т. 5: Конец XIX – начало XX вв. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – 672 с.
18. *Поликарпов В.В.* «Новое направление» 50–70-х годов: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. – М.: РГГУ, 1996. – С. 349–400.
19. *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. – М.: РОССПЭН, 1996. – 280 с.
20. *Воронкова И.Е.* Внешнеполитическая доктрина конституционно-демократической партии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2010. – 50 с.
21. *Селезнев Ф.А.* Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). – СПб.: Алетейя, 2017. – 180 с.
22. *Шаповалов М.С.* «Палестинское наследие» в политике Временного правительства (март–апрель 1917 г.) // Новейшая история России. – 2017. – № 2. – С. 19–32.
23. *Новикова И.Н.* От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 г. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Политология. Международные отношения. – 2018. – Т. 11, № 2. – С. 107–127.
24. *Miliukov P.* Political Memoirs, 1905–1917. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1967. – 508 p.
25. *Bohn T.* Note der Provisorischen Regierung an die Regierungen der alliierten Mächte [“Miljukov-Note”], 18. April (1. Mai) 1917 // 100(0) Schlüsseldokumente zur russischen und sowjetischen Geschichte. – URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0004_mil&object=context&l=de, свободный.
26. *Сальникова А.А.* Реальность конфликта в конфликте текстов: источники российской истории XX в. // Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 277–286.

Поступила в редакцию
02.03.19

Бон Томас М., PhD., профессор восточноевропейской истории, профессор Института истории

Гисенский университет им. Юстуса Либиха
Людвигштрассе, д. 23, г. Гисен, 35390, Германия
E-mail: Thomas.Bohn@geschichte.uni-giessen.de

Малышева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Svetlana.Malyшева@kpfu.ru

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

**The Foreign Policy of Russia in 1917:
From the Conflict around Political Slogans to the Disputes in
Historiography and the Conflict of Sources**T.M. Bohn^{a*}, S.Yu. Malysheva^{b**}, A.A. Salnikova^{b***}^aJustus Liebig University, Giessen, 35390 Germany^bKazan Federal University, Kazan, 420008 RussiaE-mail: *Thomas.Bohn@geschichte.uni-giessen.de, **Svetlana.Malysheva@kpfu.ru,
***Alla.Salnikova@kpfu.ru

Received March 2, 2019

Abstract

The problems of peace and war and foreign policy in general became the main issues in the development of the situation and in the fate of the government in Russia in 1917. The confrontation on foreign policy issues within the Provisional Government and with the Petrograd Council moved from the reality to the historiographic level. The paper defines the main stages in the study of this problem in the Soviet and post-Soviet historiography, shows the specifics of each of these stages. Special attention was paid to the period of 1960s–1980s, the time of acute discussions, during which a number of odious historiographical clichés (about the “imperialist”, “anti-national” nature of the foreign policy of the Provisional Government, its dependence on the Anglo-French capital, etc.) were rejected, flexibility and independence of the foreign policy of the Provisional Government were shown, its focus on defending the interests of Russia was revealed. The influence of historiographical discussions on the development and modernization of Soviet historiography, on the creation of assumptions for qualitatively new research approaches that emerged at present was investigated. One of the most pressing problems in the history of Russia’s foreign policy in 1917 – the problem of “conflict” of information contained in sources of different types and different origins – was examined in detail. The specificity of source basis formation for the problem was traced. The reasons for gaps in the sources were identified, and ways to overcome them were demonstrated.

Keywords: Revolution of 1917, Provisional Government, foreign policy, historiography, historiographic discussions, historical sources, conflictogenic source information

References

1. Malysheva S.Yu. *Rossiiskoe Vremennoe pravitel'stvo 1917 goda. Otechestvennaya istoriografiya 20-kh – serediny 60-kh godov* [Russian Provisional Government of 1917. Russian Historiography in the 1920s – Middle of 1960s]. Kazan, Kheter, 1999. 168 p. (In Russian)
2. Rubinstein N. Kerensky’s foreign policy. In: Pokrovskii M.N. (Ed.) *Ocherki po istorii Oktyabr'skoi revolyutsii: raboty istoricheskogo seminariya instituta Krasnoi professury* [Essays on the History of the October Revolution: The Works of the Historical Seminary of the Institute of the Red Professors]. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Gos. Izd., 1927, pp. 347–452. (In Russian)
3. Pokrovskii M.N. *Imperialisticheskaya voina* [Imperialist War]. Moscow, Sotsekgiz, 1934. 448 p. (In Russian)
4. Rubinstein N. *Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Foreign Policy of the Provisional Government]. Moscow, Tip. Vyssh. Part. Shkoly pri TsK VKP(b), 1946. 63 p. (In Russian)

5. Seleznev G.K. *Ten' dollar nad Rossiei. Iz istorii amerikano-russkikh otnoshenii* [Dollar's Shadow over Russia. From the History of American-Russian Relations]. Moscow, Voenizdat, 1957. 205 p. (In Russian)
6. Lebedev V.V. *Russko-amerikanskije otnosheniya (1900–1917 gg.)* [Russian-American Economic Relations (1900–1917)]. Moscow, Mezhdunar. Otn., 1964. 379 p. (In Russian)
7. Ioffe A.E. *Russko-frantsuzskie otnosheniya v 1917 g. (fevral'–oktyabr')* [Russian-French Relations in 1917 (February–October)]. Moscow, Gospolitizdat, 1958. 356 p. (In Russian)
8. Malysheva S.Yu. *Vremennoe pravitel'stvo Rossii. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya* [Russian Provisional Government. Modern Russian Historiography]. Kazan, Kheter, 2000. 208 p. (In Russian)
9. Ganelin R.Sh. *Rossiya i SShA. 1914–1917. Ocherki istorii russko-amerikanskikh otnoshenii* [Russia and the United States. 1914–1917. Essays on the History of Russian-American Relations]. Leningrad, Nauka, 1969. 423 p. (In Russian)
10. Ignat'ev A.V. *Russko-angliiskije otnosheniya nakanune Oktyabr'skoi revolyutsii (fevral' – oktyabr' 1917)* [Russian-English Relations on the Eve of the October Revolution (February–October 1917)]. Moscow, Nauka, 1966. 400 p. (In Russian)
11. Kirova K.E. *Russkaya revolyutsiya i Italiya: mart – oktyabr' 1917* [Russian Revolution and Italy: March – October, 1917]. Moscow, Nauka, 1968. 322 p. (In Russian)
12. Vasyukov V.S. *Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva* [The Foreign Policy of the Provisional Government]. Moscow, Mysl', 1966. 487 p. (In Russian)
13. Ignat'ev A.V. *Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva* [The Foreign Policy of the Provisional Government]. Moscow, Nauka, 1974. 440 p. (In Russian)
14. Ignat'ev A.V. Bankruptcy of the foreign policy of the Provisional Government. *Voprosy Istorii*, 1967, no. 3, pp. 3–16. (In Russian)
15. Vasyukov V.S. *Predystoriya interventsii. Fevral' 1917 – mart 1918* [Prehistory of the Intervention. February, 1917 – March, 1918]. Moscow, Politizdat, 1968. 296 p. (In Russian)
16. Vasyukov V.S. On the historiography of the Russian foreign policy during the years of the First World War (1914–1917). In: *Pervaya mirovaya voina: diskussionnye problemy istorii* [First World War. Disputable Problems of History]. Moscow, Nauka, 1994, pp. 13–22. (In Russian)
17. *Istoriya vneshnei politiki Rossii (konets XV v. – 1917)* [The History of Russian Foreign Policy (Late 15th Century – 1917)]. Vol. 5: Late 19th – early 20th centuries (from the Franco-Russian Alliance to the October Revolution). Moscow, Mezhdunar. Otn., 1997. 672 p. (In Russian)
18. Polikarpov V.V. A “new direction” of the 1950s–1970s: The last discussion of the Soviet historians. In: *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet Historiography]. Moscow, RGGU, 1996, pp. 349–400. (In Russian)
19. Shelokhaev V.V. *Liberal'naya model' pereustroistva Rosii* [A Liberal Model of Russia's Transformation]. Moscow, ROSSPEN, 1996. 280 p. (In Russian)
20. Voronkova I.E. Foreign policy doctrine of the Constitutional Democratic Party. *Extended Abstract of Doct. Hist. Sci. Diss.* Moscow, 2010. 50 p. (In Russian)
21. Seleznev F.A. *Revolutsiya 1917 goda i bor'ba elit vokrug voprosa o separatnom mire s Germaniei (1914–1918 gg.)* [The Revolution of 1917 and the Struggle of the Elites around the Separate Peace with Germany (1914–1918)]. St. Petersburg, Aleteiya, 2017. 180 p. (In Russian)
22. Shapovalov M.S. “Palestinian legacy” in Provisional Government's policy (March–April, 1917). *Noveishaya Istoriya Rossii*, 2017, no. 2(19), pp. 19–32. (In Russian)
23. Novikova I.N. From autonomy to independence: The Provisional Government and Finland in 1917. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 107–127. (In Russian)
24. Miliukov P. *Political Memoirs, 1905–1917*. Ann Arbor, Univ. of Mich. Press, 1967. 508 p.
25. Bohn T. Note der Provisorischen Regierung an die Regierungen der alliierten Mächte [“Miljukov-Note”], 18. April (1. Mai) 1917. In: *100(0) Schlüsseldokumente zur russischen und sowjetischen Geschichte*. Available at: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0004_mil&object=context&l=de. (In German)

26. Sal'nikova A.A. The reality of the conflict in the conflict of texts: Sources of Russian history in the 20th century. In: *Sotsial'nyi konflikt v razlichnykh normativno-semioticheskikh sistemakh* [Social Conflict in Various Normative Semiotic Systems]. Kazan, Kazan. Univ., 2012, pp. 277–286. (In Russian)

Для цитирования: Бон Т.М., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Внешняя политика России в 1917 г.: от конфликта политических лозунгов к спорам в историографии и конфликту источников // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 208–222. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.208-222.

For citation: Bohn T.M., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. The foreign policy of Russia in 1917: From the conflict around political slogans to the disputes in historiography and the conflict sources. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 208–222. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.208-222. (In Russian)